

ЛОВЕЦ ВЗГЛЯДОВ

Глава из романа «Страна Эмиграция»

На улице, в застольях, в метро и в общественных сборищах Семеныч был всегда напряжен и все чего-то словно ждал. И вдруг я понял, что он ловит человеческие взгляды!

Конечно, прежде всего, он был ловец взглядов женских. Я видел это по тому, как при каждом дальнем появлении женского существа он бросался пересечься с ним взглядом и поспешно надевал свою шляпу, заслоняя сияние лысины. При всем презрении к обслуге, в кафе ловил он возможный одобрителный взгляд хозяина за стойкой, гарсона порезвее или посетителя повальяжней. Временами это ему не удавалось, и во всем его лице и фигуре выражалась подлинная тоска из-за еще одного непойманного взгляда.

Я видел, что люди поумней избегали смотреть на него вполне сознательно. Они, видно, знали по опыту – с таким, как он, стоит только на секунду столкнуться глазами, и потом не отвяжешься, как от цыганки.

Однажды на террасе левобережного рестораника он особенно заволновался и засуетился. Его внимание оказалось прикованным к немолодому лысоватому человеку еврейской наружности в матерчатых кроссовках подмосковного кроя. Вадим пару раз огibal его по пути в заведение, где ему делать было абсолютно нечего. Он поменялся со мною местами, чтобы оказаться напротив кроссовок, и постоянно кидал призывающие взгляды на своего визави.

– Ты знаешь, кто это? – спросил он меня шепотом.

– Кто?

– Это Топор! – торжественно выговорил он.

Это был не тот топор, которым мы шинкуем капусту и которым когда-то рубили невинные головы. Это был известный псевдоним парижского карикатуриста, автора комиксов для взрослых, сатирических пьес и сюрреалистических выдумок. Он действительно мелькал в эти годы на телеэкране – да только что он Вадиму? Я понимал, что он искренне завидовал любой известности, но зачем ему Топор? Даже в поиске знакомства должен быть практический смысл, думал я.

Топор поглядывал влево и вправо, скрестив свои маленькие ножки в подмосковной обувке, но ни разу не подарил вниманием Вадима. Когда мы покинули кафе, тот был подавлен, и я увидел, на что похож ловчий, не поймавший желанную птичку чужого зрачка. Он даже спал с лица и с лысины, которую перестал прикрывать своей любимой «Бурсалиной».

Мы шли по одной из лучших набережных мира, напротив поднимал свои башни загадочный Собор Парижской Богоматери – церковь, храм, больше чем храм, путеводная нить, скульптурные вежи пути, но куда?.. Было душно, дождь угрожал под конец все же капнуть, ветер ждал своей минуты, чтоб вспылить и разметать торгующих при храме. Вадим шагал широко, ничего вокруг не замечая.

– И ведь смотрел, подлец, во все стороны, но только не в мою! – сдавленно выдавил он через зубы.

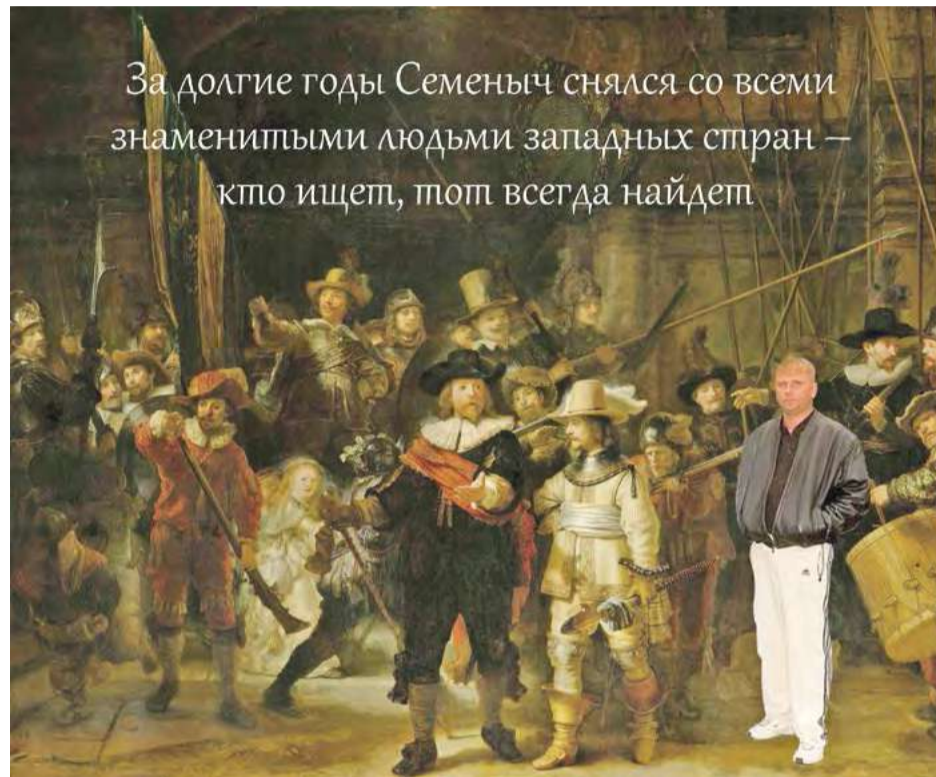
– Вот видишь, значит, он тебя все-таки отметил, – сказал я.

Семеныч резко остановился.

– Как это – отметил?

– На всех глядел, а на тебя избегал. Значит, отметил.

– Мне не надо, чтобы отметил! – вскричал он. – Мне надо, чтобы посмотрел! Поглядел – понимаешь?

За долгие годы Семеныч снялся со всеми знаменитыми людьми западных стран – кто ищет, тот всегда найдет

– Зачем?

– Контакт! – зашагал Вадим дальше. – Сейчас все в мире держится на контактах! Ты этого не знаешь?

Я, вообще-то, в этом действительно мало что понимал.

– Ну, хорошо. Если бы он посмотрел, ты бы что сделал? – спросил я без насмешки. – Подмигнул?

– Не знаю, что. Я бы придумал!

<...>

Я уже было оставил попытку разгадать эту странность, но вдруг догадался, что это в чистом виде amour-propre, самолюбие или даже себялюбие, от которого во французском выражении уже не далеко и до amour. Тем самым он признавал наличие других человеческих существ и всегда стремился над ними возгоржествовать. Еще ребенком Вадик ловил взгляд отца, что ему удавалось очень редко. И даже пойманный взгляд родителя редко его одобрял. Возможно, потому он стал ловцом одобрителных взглядов.

Однажды, уже в постсоветские времена, мы с ним попали на концерт актера Смехова в так называемом Доме франко-русской дружбы, куда ни разу до того я не сошел даже носа. Я знал Смехова еще по Москве, и он не раз приглашал меня на спектакли в «Современник». В Доме дружбы он рассказывал смешные актерские истории, вспоминал Высоцкого и Эрдмана, читал Пушкина и Бродского – и читал хорошо. Вадик, коротко знакомый со Смеховым, взгляда его не искал. Все его усилия поймать чужой взгляд были направлены на рыжего толстяка с красной жилистой мордой долголетнего пьяницы. Как и в случае с Топором, толстяк его ни разу не удостоил внимания. По лицу моего приятеля бегали отчаянные подкожные желваки, как у кинематографических чудовищ, ненадолго натянувших человечью личину. И вдруг я увидел, как Вадим просиял всем лицом и всей шеей, желваки ра-

зом опали, ушли глубоко под кожу – он поймал взгляд рыжего пропойцы.

– Русский посол! – прошептал он мне в ухо.

И я понял, что люди, представляющие власть, все равно, чью или какую, были для Семеныча фигурой

и нигде их не печатал, раздражению Вадика не было предела. Он не мог похвастать ни одной фотографией, сделанной с него именитым фотографом, как и ни одним портретом, написанным с него современным художником.

Мы подружились с хорошим человеком, Гюставом де Сталем, сыном замечательного художника. В тот год я перевел на русский каталог его отца для выставки в России, он был душой этой затеи, и мы сблизились. Кроме всего прочего, Гюстав в то время был директором выставочного зала в мэрии Парижа.

– Ты знаешь такого русского художника Monsieur Zaplache? – спросил он меня как-то.

– Конечно, знаю, – ответил я. – Правда, все его зовут у нас Семеныч.

– И что он за художник? – спросил Гюстав.

– Русский художник в эмиграции, – ответил я, не желая вдаваться в подробности. – А что?

Оказывается, Гюстав получил от Вадима два ящика каталогов и монографий, где тот был снят чуть не со всеми сильными мира сего, от голливудских актеров до японского императора. Гюстав был очень удивлен.

– Зачем он так настойчиво хочет выставиться у меня? Наш зал небольшой, не знаменитый. А у него такие знакомства, такие каталоги...

Я должен был объяснить, что каталоги он издает за свой счет, а фотографии делает, гоняясь за случаем. Когда ему что-нибудь нужно, он идет на тебя, как паровой каток.

Долго охотился Вадим за актером Филиппом Нуаре. Было известно, что тот посещает выставки, на которых продаются картины. Приближался знаменитый аукцион, где распродалась коллекция галереи Луи Карре, долгие годы работавшей с Дюфи, Никола де Сталем, Кислингом, Ланским и другими. Семеныч дежурил у входа в день. Элегантный Нуаре в длинном песочном кашемировом пальто явился в последний. Вадим сделал знак специально нанятому фотографу и приблизился к Нуаре. Щелкнул аппарат, и снимок навсегда вошел в его коллекцию. Но вот беда: на заднем плане мелькнула фигура Ренэ Герра, коллекционера русской эмигрантской литературы и живописи. Вадим терпеть не мог Герра, не считал его достойной знаменитостью и долго выгрызал из фотографии по кускам его лицо, как назло инкрустированное на фон такого ценного снимка, в картину Дюфи.

Очень гордился Вадим фотографией с японским императором. Ну, уж это явный фотомонтаж, был уверен я, и он словно подслушал мои мысли.

– Представь себе, с японским императором было проще всего. Его привезли перед открытием выставки русских художников в Токио, никого в залах не было, кроме охраны, сниматься можно было сколько хочешь.

Была у него еще одна особенность. Ни на улице, ни на приемах никогда он не смотрел на себя в зеркало.

Он не искал своего собственного взгляда.

Он решительно не собирался заглянуть в себя самого.

Владимир МАРМЗИН